

ОТНОШЕНИЕ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ К ВОРОВСТВУ И ОБМАНУ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК)

Ю. Д. Коробков,

*Магнитогорский государственный технический университет
им Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация*

На основе анализа пословиц и поговорок и их сопоставления с источниками, характеризующими производственную повседневность горнозаводского Урала, в данной статье рассматриваются морально-нравственные основания отношения уральских рабочих к воровству и обману в пореформенный период. В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу о противоречивом и неоднозначном отношении рабочих к данным явлениям. Оно заключается в том, что заложенное в христианском учении отрицательное отношение к ним корректировалось социально-экономическими условиями существования уральских рабочих, особенностями горноокружной организации местной промышленности, которые, в конечном счете, стали главными факторами формирования терпимого отношения уральских рабочих к воровству и его массового характера на предприятиях края. Кроме того, оно опосредовалось социально-психологическим феноменом ин группового фаворитизма. В результате, в сознании рабочих воровство получило морально-правовую легитимацию, что стало одной из главных причин его вневременной устойчивости и массовости.

Ключевые слова: рабочие, Урал, воровство, обман, пословицы, горнозаводская промышленность.

Одним из типичных явлений горнозаводского быта на пореформенном Урале являлось воровство на предприятиях края. Оно получило массовый характер еще в крепостническое время, когда, по свидетельству Р. Попова, «воровали все: воровал управляющий, воровали заводские приказчики и разного рода надсмотрщики, воровал караванный, показывая утонувшими барки, которые тонули только в их карманах, воровали и рабочие» [12, с. 299]. Эта тенденция сохранялась и после отмены крепостного права.

При выявлении причин устойчивости и массовидности подобных асоциальных явлений в жизненной практике народных масс основное внимание и дореволюционные [7; 9; 12], и современные [3; 8; 14; 15; 19] специалисты уделяли и уделяют анализу социально-экономические факторов данного феномена, в то время как изучение его морально-нравственных оснований, ценностного уровня находится на периферии исследовательских интересов. Это делает востребованным обращение к данной проблематике и с научной, и, с учетом ее актуальности для современной России, — с практической точки зрения.

В данной статье предпринята попытка решения данной задачи на локальном примере рабочих горнозаводского Урала в пореформенный период.

В качестве основного корпуса источников использованы пословицы и поговорки, бытовавшие в рабочей среде. Такой выбор обусловлен фактором их внутреннего происхождения, что позволяет услышать мнение народных масс напрямую, без посредников, интерпретаций и комментариев заинтересованных лиц. Во-вторых, это связано с тем, что большинство авторов считает пословицы индикатором мировоззрения народа [13, с. 18],

межвременным каналом трансляции духовных ценностей народа и средством их закрепления в массовом сознании.

Как известно, христианское вероучение крайне негативно относится к воровству как социальному явлению и выделяет его различные виды (собственно воровство, грабеж, святотатство, мздоимство или взяточничество, туеядство, лихоимство, обман). Судя по содержанию пословиц и поговорок, народное сознание формулирует особое отношение только к трем из них — воровству, грабежу, обману — и демонстрируют довольно противоречивое и неоднозначное отношение к ним.

Согласно содержанию ряда пословиц и поговорок, воровство в православной России получило довольно широкое распространение и в силу этого воспринималось как типичное явление повседневной жизни (Что ни двор, то вор, где два двора — тут два вора; Отсеки руки по локоть, кто себе не волокет), а порочная тяга прибирать чужое добро — как сущностная характеристика русского человека, живущего в государстве, где каждый, как может, промышляет плутовством, обманом и мошенничеством (Не обманешь — не проживешь; Доброму вору все впору; Дай вору золотую гору, он и тогда не перестанет воровать; Плут плута бьет кнутом; На свои глаза свидетеля не надо; Домашний вор опаснее чужого).

При этом большая часть пословиц и поговорок носит не констатирующий, а объяснительный характер и оправдывает широкое распространение воровства на Руси рядом причин социально-экономического и нравственного толка.

На мировоззренческом уровне терпимое отношение к воровству опиралось на фаталистические установки массового сознания, которые выражались

в осознанно терпимом, относительно бесстрастном отношении к жизненным проблемам, в том числе, в смиренном отношении рабочих к любой потере или пропаже, готовности принять любые лишения и невзгоды. Не случайно, пословицы и поговорки данной тематики отличает либо намеренно эмоциональная нейтральность, либо демонстрация осознанно терпимого отношения к подобным неприятностям (Что с возу упало, то пропало; Что вылило, то выпито; Было, да сплыло; Как корова языком слизнула; Сгорело — дыму нету; Как сквозь землю провалился; Воры не бывали, а украли; Как в воду канул — ни костей, ни вестей).

Терпимое отношение к воровству поддерживается убежденностью в том, что оно обусловлено крайней нуждой или другими трудными жизненными обстоятельствами и в определенной степени является одним из средств выживания социальных низов (Поневоле станешь вором; У всякого плута свои расчеты; Стрельцу к одному концу; Попросту Еремку и Бог простит).

Наряду с этими факторами пословицы выделяют такие причины воровства как существование еще более страшных явлений (Огонь хуже вора: от вора хоть стены останутся), привычку небрежно хранить свое имущество (Не клади плохо: не вводи вора в искушение; Мак да горох — приманка для воров), трудность поимки вора (Не пойман — не вор; Не было снега — не было следа; Свидетель — кулик да дятел (дятел); Нет людей, козел — свидетель).

Результатом подобных причинно-следственных связей стало появление в фольклорном фонде своеобразной воровской морали. «Кодекс мошенника» состоит из ряда рекомендаций, сводимых к следующим положениям.

1. Поскольку воровство приобрело общенациональные масштабы, не следует относиться к нему как к смертному греху (Грех (воровской) не камень, ко дну не тянет).

2. К ремеслу вора следует относиться как к серьезной профессии, имеющей свою специфику и уровни мастерства (Умел скрасть, так знай, куда класть. Вор руки, ноги не оставил; С рукавицами и тулуп прихватил; Вор собаку переждет, не то что хозяина; Вор у вора дубинку украд; Вор у вора ворует — только время теряет; Сухой из воды вышел; Как с гуся вода; Сани не наши, хомут не свой, понужай, не стой (т. е.: спеша, вор).

3. Главным средством защиты для вора в моменты опасности является тактика отпирательства (Я не я, и лошадь не моя; Не пойман — не вор; Не было снега, не было следа; Шел да нашел, да едва ушел, а если бы нагнали, так жизни бы дали; Вор не божиться — правому не быть).

4. Следует быть готовым к краткости воровского счастья (На воре и шапка горит).

5. Готовность к несению тяжких наказаний в случае неудачи (Вора бьют, а плакать не велят; Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овечку съел; Бьют не по годам, а по ребрам; Только печью не бит, а о печь бит).

Незначительное влияние христианской морали на отношение к воровству демонстрируют и пословицы, фиксирующие его негативную оценку. Прак-

тически все отрицательные суждения пословичного фонда имеют сугубо прагматическое обоснование и ссылки на житейский опыт. В первом случае к ним относится ущерб от воровской деятельности коллективным интересам, когда членам общины приходится самим возмещать убытки, нанесенные вором (Вор ворует, а мир горюет; Вор попал, а мир пропал).

Во втором — негативная оценка воровства формируется на основе знания о недолговечности воровского счастья и неадекватности наказания, которое чаще всего превосходит меру преступления (Вор ворует сорок лет на один обед; Вор ворует — богат не живет; Вор ворует не для прибыли, а для своей погребели; Повалился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить; Скребок наскребет на свой хребет; Сколько веревочку не Вити, а кончи не быти). Мотив обреченности воровского образа жизни особенно ярко проступает в устойчивых высказываниях, описывающих жизнь вора от первого лица (Дела хороши: день ворует, ночь ворует, год в тюрьме сидим).

При принятии негативного отношения к воровству основной формой борьбы с данным социальным злом народное сознание считает жестокое наказание (Любит сочень скалку, а собака (вор) палку; Поделом (по делам) вору и мука; За старо, за ново, за два года вперед; За ушко да на солнышко, за хвост да на мороз; За волосно, да окружно; До новых веников не забудет; Что будет спине, то и хребту; Быть тебе на дыбу да на сибирском волоку; Как аукнется, так и откликнется; По заслугам и награда, по грехам и расплата).

Это вытекает из общемировоззренческих установок массового сознания о неизбежности наказания за совершенные проступки, противоправные или безнравственные деяния, в том числе за воровство, обман, мошенничество (На жалючую крапиву есть лютые морозы, Не все коту масленица, придет и великий пост, Отольются кошке Мышкины слезы, Отольются медведю коровьи слезы, Быть тебе на дыбу да на сибирском волоку, Виноватого пуля найдет, На грех (преступление) мастера нет, а с расплатой уж поджидают, Топор дерево найдет). Идея неотвратимости наказания за них согласуется с основными догматами христианской морали, но в народной психологии данное положение выводится в процессе осмысления жизненного опыта, а не в форме практического воплощения евангельских заповедей.

Таким образом, народное сознание демонстрирует противоречивое по содержанию отношение к воровству. Пословицы и поговорки рассмотренной тематической группы не предполагают опору на нравственный выбор в христианском понимании. Негативное отношение к воровству, сохраняемое фольклорным фондом, мотивировано исключительно прагматическими установками и жизненным опытом. Опора на социально-экономические условия существования в процессе выработки отношения ко всем явлениям окружающей жизни привела не только к философскому оправданию воровства, но и к фиксации в народной памяти морального «кодекса вора». Это позволяет предположить,

что сформированное в веках в качестве одной из стратегий выживания оправдательно-терпимое отношение к воровству постепенно переросло на уровень коллективного бессознательного и стало одним из вневременных стереотипов массового сознания.

Самой распространенной разновидностью обмана и мошенничества пословицы и поговорки, актуализируемые в речи уральских рабочих, признают невыполнение долговых обязательств, невозвращение долгов. Императивом народного сознания по отношению к нему становится формула Долг платежом красен.

О глубине восприятия данного отношения свидетельствуют пословицы и поговорки, фиксирующие психические и нравственные страдания, обусловленные переживаниями по поводу невыполненных долговых обязательств (Долг не ревет, а спать не дает; Долги сон разгоняют, от них и вельможи не засыпают. В устойчивом высказывании «В долгу, как в шелку» (В долгах как в шелках) содержится не просто констатация факта жизни в долг, а зафиксировано состояние отчаяния, переживаемое людьми, осознающими неспособность выполнить долговые обязательства.

Одновременно в пословицах и поговорках уральских рабочих обнаруживается и более легкомысленное отношение к долговым выплатам, сопровождающееся описанием причин его формирования. В качестве основной причины называются непомерно высокие проценты на предоставленный кредит или кабальные условия займа (Возьмешь лычко, отдашь ремешок; Не пито, не едено, а денежки отдай).

В качестве причины невозвращения долгов обозначается также привычка жить в долг, в сущности, за счет доверия окружающих. В одних высказываниях просто фиксируется долговой образ жизни как своеобразная форма взаимоотношения людей (Живет — из одного кармана в другой долги перекладывает); в других отражается нечестность в отношении к финансовым проблемам (Что должен — не спорю, отдам, но не скоро); в третьих — намеренное невозвращение долгов как реализованное мошенничество (Расплатится на том свете жаром).

Легкомысленное или намеренно мошенническое отношение к долговым обязательствам со стороны должника вызывает довольно агрессивную реакцию заемщика. В пословицах и поговорках, аккумулирующих печальный опыт заемщиков, запечатлены два основных отношения к мошенникам.

В ряде пословиц и поговорок содержатся устойчивые рекомендации, мотивирующие тотальный отказ в займах (В долг давать — дружбу терять; В долг да в долг, а отдавать-то волк?; Долги да заем — немного так наживем).

Выделяется также группа устойчивых выражений, в которых предлагаются практически состоятельные способы возвращения долгов (От худого должника и битым стеклом бери; С паршивой овечки хоть шерсти клок; Долг и мякиной собирают; В копнах не сено, а в долгах не деньги, т.е. взимай долги любыми материальными ценностями).

Очевидно, что, принимая в целом идею обязательного выполнения долговых обязательств, народное сознание одновременно определяет круг условий и причин, руководствуясь которыми, можно ступить на путь откровенного мошенничества. Другими словами, христианская мораль, реализованная в восьмой заповеди Закона Божия, подвергается существенным прагматическим коррективам, учитывающим специфику социально-экономического положения рабочих.

В целом, и в отношении к воровству, и в отношении к обману народное сознание достаточно противоречиво, а в рекомендациях, содержащих способы ограждения от любых форм проявления социального зла, достаточно агрессивно. При этом собственно христианские правила соблюдения восьмой заповеди в виде универсального принципа «не укради» воспринимаются в ряду многих, но не главных факторов, а реакция народных масс на воровство и обман опосредуется, прежде всего, прагматическими установками и психологией выживания социальных низов.

Противоречивое и лояльное отношение к воровству, заложенное в пословицах и поговорках, формировало ценностно-мотивационный фон заводской и бытовой повседневности на горнозаводском Урале и являлось морально-нравственной и народно-правовой легитимацией массового характера данного социального феномена, который сформировался еще в крепостническую эпоху.

Наглядное представление о массовидности и «обычности» данного фактора производственной повседневности дают документы, характеризующие состояние трудовой дисциплины на предприятиях Урала. В дореформенный период все нарушения и проступки рабочих делились на две большие категории — тяжелые и маловажные. К последним, по предписанию главного начальника горных заводов хребта Уральского от 15 мая 1830 г., относились «кратковременные отлучки с работ, невыполнение оных, обманы разного рода, легкие побои, оскорбления в драке или ссоре, пьянство, своеволие, непослушание, нарушение благочиния, маловажные кражи» [10, с. 12], которые должны были решаться без формального суда.

В пореформенный период наглядное представление об уровне трудовой дисциплины, устойчивости ее основных компонентов дает анализ документов, определявших внутренний распорядок заводских работ (правила, наставления, договора рабочих с заводоуправлениями, расчетные книжки).

К числу самых распространенных нарушений дисциплины труда первые пореформенные договора относят и «воровство, мошенничество» [11, с. 201]. При этом за пьянство и воровство полагались более серьезные наказания, чем за остальные нарушения, что, в свою очередь, является косвенным подтверждением их типичности и массовости на предприятиях края в 60—70-х гг. XIX в. В целом, главным требованием администрации к своим рабочим, определявшим содержание их трудовой морали в первые пореформенные годы, являлся призыв «Вести себя трезво и честно», как было обозначено в договоре правления Нижне-

Исетского завода со своими рабочими в 1874 г. [18, с. 90].

Статистических данных, позволяющих оценить реальный масштаб данного явления на рубеже XIX—XX вв., горно- и фабрично-заводская отчетность не представляет, поэтому, необходимо использовать косвенные свидетельства. Одним из них, отражающим массовый характер воровства в горнозаводской промышленности края, является широко распространенная практика обысков на заводских проходных. Их отмена после Манифеста 17 октября 1905 г. привела к резкому всплеску хищений заводского имущества. В частности, по сообщению уездного исправника в декабре 1905 г. рабочие Златоустовского завода, «добившись отмены обысков при выходе с завода, крадут ежедневно то что может» [2, л. 46]. Об этом же свидетельствуют и правила для рабочих, записанные в их расчетных книжках, которые выделяют только два нарушения на производстве: пьянство и «присвоение без дозволения заводу управления рабочего инструмента, выделяемых металлов, изделий, припасов и других заводских вещей» [17, л. 176].

Массовому характеру воровства способствовала и запретительная политика заводоуправлений в отношении развития кустарных промыслов, которая, лишая мастеровых права легальной разработки полезных ископаемых, по свидетельству А. К. Денисова-Уральского, вела к «развитию дурных инстинктов населения, развращала его и создавала из них воров, вместо добропорядочных и истинно здоровых людей, могущих работать спокойно, добывая богатства, которыми изобилует Урал» [1, с. 157].

В результате, «подсобный заработок» за счет заводских изделий превратился в устойчивое бытовое явление, с которым власти должны были считаться. Более того, как отмечал в 1907 г. управляющий Уфимским горным округом, воровство у рабочих подведомственных ему предприятий «считается доблестью» [16, л. 89]. Ситуация не изменилась и после свержения самодержавия. Уже в марте 1917 г. совет старост Златоустовского завода решил установить строгий контроль «в целях полного устранения всякого рода хищений заводского имущества с любой стороны» [6].

Наряду с пословицами и поговорками моральному оправданию воровства уральских рабочих служили стереотипы сознания, которые сложились под влиянием «оригинального строя» уральской горнозаводской промышленности. Одним из них являлась народно-правовая теория трудового происхождения собственности, в соответствии с которой заводская продукция должна была «по справедливости» принадлежать рабочим, как ее творцам и создателям, а не владельцу завода, не участвующему в процессе производства. В силу этого, присвоение заводской продукции не признавалось кражей, воровством. В результате, честный рабочий никогда не посягал на собственность рабочего, что считалось кражей, в то же время он без угрызения совести брал «заводское», «казенное».

Этот стереотип массового сознания, сформировавшийся в дореформенной России, оказался

удивительно устойчивым и служил моральным оправданием заводского воровства и в пореформенной, и в советской России, в которой даже было дано определение такой категории работников как «несунов». Он же плавно перешел в структуру трудового поведения работников современной России, которые, судя по данным социологических опросов, считают справедливым брать продукцию со своего предприятия и расценивают это не как воровство, а как реализацию своего морального права [4, с. 68]. Эта же ситуация характерна и в отношении современных россиян ко лжи и обману, которое, с точки зрения психологии понимания, если и изменилось в постсоветской России по сравнению с XIX в., то очень незначительно [5, с. 61].

Литература и источники

1. Алеврас, Н. Н. *Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века* / Н. Н. Алеврас. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1996. — 212 с.
2. ГАРФ. ДПОО. 1906. Д. 236. Оп. 6.
3. Журавлев, С. В. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. / С. В. Журавлев, М. Ю. Мухин. — М. : РОССПЭН, 2004. — 458 с.
4. Захаров, Н. Л. *Воровство и льготы в структуре трудового поведения* / Н. Л. Захаров // *Социологические исследования*. — 2001. — № 6. — С. 67—72.
5. Знаков, В. В. *Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания* / В. В. Знаков // *Вопросы психологии*. — 1994. — № 2. — С. 55—63.
6. *Известия Златоустовского Совета рабочих депутатов*. — 1917. — 27 март.
7. Митинский, А. Н. *Горнозаводской Урал* / А. Н. Митинский. — СПб., 1909. — 244 с.
8. Нарский, И. В. *Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг.* / И. В. Нарский. — М. : РОССПЭН, 2001. — 632 с.
9. Озеров, И. Х. *Горные заводы Урала* / И. Х. Озеров. — М., 1910. — 253 с.
10. Подшивалов, И. *Гражданская борьба на Урале. 1917—1918* / И. Подшивалов. — М. : Воениз, 1925. — 221 с.
11. *Положение рабочих Урала во второй половине XIX — нач. XX в. 1861—1904 гг.* — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. — 665 с.
12. Попов, Р. *Горнозаводской Урал* / Р. Попов // *Отчетственные записки*. — 1874. — № 2. — С. 299—372.
13. Пушкарев, Л. Н. *Духовный мир русского крестьянства по пословицам XVII—XIX вв.* / Л. Н. Пушкарев. — М. : Наука, 1994. — 192 с.
14. *Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г.* — СПб. : Блиц, 1997. — 640 с.
15. *Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль*. — М. : ИРИ РАН, 1997. — 224 с.
16. РГИА. Ф. 48. Оп. 1. Д. 234.
17. РГИА Ф. 1291. Оп. 66. Д. 27.
18. Четин, В. Е. *К вопросу о положении рабочих Урала после падения крепостного права* / В. Е. Четин // *Из истории заводов и фабрик Урала*. — Вып. 2. — Свердловск, 1963. — С. 84—93.
19. Яров, С. В. *Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны* / С. В. Яров, Е. М. Балашов, В. И. Мусаев и др. — М. : Центрполиграф, 2013. — 502 с.

THE ATTITUDE OF THE URAL WORKERS TO THEFT AND DECEPTION IN THE REFORM ERA (FOR EXAMPLE, PROVERBS AND SAYINGS)

Yu. D. Korobkov, *korobkov@magtu*

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation

Based on the analysis of Proverbs and sayings and their comparison with the sources that characterize the daily production of the mining and metallurgical Urals, this article discusses the moral basis of the attitude of the Ural workers to theft and deception in the post-reform period. In the course of the study, we came to the conclusion about the contradictory and ambiguous attitude of workers to these phenomena. It lies in the fact that the negative attitude to them, laid down in the Christian doctrine, was corrected by the social and economic conditions of the existence of the Ural workers, the peculiarities of the mining organization of the local industry, which, ultimately, became the main factors of the formation of the Ural workers' tolerant attitude to theft and its mass character at the enterprises of the region. In addition, it was mediated by the socio-psychological phenomenon of in-group favoritism. As a result, in the minds of workers theft received moral and legal legitimacy, which was one of the main reasons for its timeless stability and mass character.

Keywords: workers, Ural, theft, deception, Proverbs, mining industry.

References

1. Alebras N.N. Agrarnaja politika pravitel'stva na gornozavodskom Urale v nachale XX veka [Agricultural policy of the government in the mining Urals in the early twentieth century]. Cheljabinsk: Cheljabinskij gosudarstvennyj universitet, 1996. 212 p.
2. GARF. DPOO. 1906. D. 236. Op. 6.
3. Zhuravlev S.V., Muhin M.Yu. «Krepost' socializma»: Povsednevnost' i motivacija truda na sovetskom predpriyatii, 1928—1938 gg. [«Fortress of socialism»: everyday Life and motivation of work at the Soviet enterprise, 1928-1938]. M.: ROSSPEHN, 2004. 458 p.
4. Zaharov N.L. Vorovstvo i l'goty v strukture trudovogo povedeniya [Theft and benefits in the structure of labor behavior]. Sociologicheskie issledovaniya. 2001. №6. P. 67-72.
5. Znakov V.V. Kategorii pravdy i lzhi v russkoj duhovnoj tradicii i sovremennoj psihologii ponimaniya [Categories of truth and lies in the Russian spiritual tradition and modern psychology of understanding]. Voprosy psihologii. 1994. №2. S.55-63.
6. Izvestiya Zlatoustovskogo Soveta rabochih deputatov. 1917. 27 marta.
7. Mitinskij A.N. Gornozavodskoj Ural [Mining And Metallurgical Urals]. SPb., 1909. 244 p.
8. Narskij I.V. Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917—1922 gg. [Life in disaster. The everyday life of the population of the Ural in 1917-1922]. M.: ROSSPEHN, 2001. 632 p.
9. Ozerov I.H. Gornye zavody Urala [Ural mining plants]. M., 1910. 253 p.
10. Podshivalov I. Grazhdanskaja bor'ba na Urale. 1917- 1918 [Civil struggle in the Urals. 1917 — 19]. M.: Voengiz, 1925. 221 p.
11. Polozhenie rabochih Urala vo vtoroj polovine XIX — nach. XX v. 1861-1904 gg. [The situation of workers in the Urals in the second half of XIX-early XX century. 1861-1904]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 665 p.
12. Popov R. Gornozavodskoj Ural [Mining And Metallurgical Urals]. Otechestvennye zapiski. 1874. № 2. P. 299-372.
13. Pushkarev L.N. Duhovnyj mir russkogo krest'janstva po poslovicam XVII-XIX vv. [The spiritual world of the Russian peasantry Proverbs XVII-XIX century]. M.: Nauka, 1994. 192 p.
14. Rabochie i intelligencija Rossii v ehposu reform i revolyucij. 1861 — fevral' 1917 gg. [Workers and intellectuals of Russia in the era of reforms and revolutions. 1861-February 1917]. SPb.: Blic, 1997. 640 p.
15. Revolyucija i chelovek: byt, nrvy, povedenie, moral' [Revolution and the people: daily life, customs, behavior, morals]. M.: IRI RAN, 1997. 224 p.
16. RGIA. F. 48. Op. 1. D. 234.
17. RGIA F. 1291. Op. 66. D. 27.

18. Chetin V.E. K voprosu o polozhenii rabochih Urala posle padenija krepostnogo prava [On the situation of workers in the Urals after the fall of serfdom]. Iz istorii zavodov i fabrik Urala. Vyp. 2. Sverdlovsk, 1963. P. 84-93.

19. Yarov S.V., Balashov E.M., Musaev V.I., Rupasov A.I., Chistjakov A.N. Petrograd na perelome ehpor. Gorod i ego zhiteli v gody revoljucii i grazhdanskoj vojny [Petrograd at the turn of ages. The city and its inhabitants during the revolution and civil war]. M.: Centrpoligraf, 2013. 502 p.

Received February 21, 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Коробков, Ю. Д. Отношение уральских рабочих к воровству и обману в пореформенное время (на примере пословиц и поговорок) / Ю. Д. Коробков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19, № 2. — С. 14—19. DOI: 10.14529/ssh190202

FOR CITATION

Korobkov Yu. D. The attitude of the ural workers to theft and deception in the reform era (for example, proverbs and sayings). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2019, vol. 19, no. 2, pp. 14—19. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh190202
